

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ
Сборник статей памяти Бориса Федоровича Поршнева
М.: Наука. 1976

Илья Натанович Неманов

Некоторые итоги и проблемы изучения эна Роберта Оуэна

...Комплекс зданий образует правильный квадрат. Здесь — спальни, столовые, прачечные, детские сады, школы, колледжи, лекционные, балльные, концертные залы, помещения администрации... Установки для подогрева и охлаждения воздуха, подачи холодной и горячей воды, подъемные механизмы, тоннель для подвоза грузов... Одежда простая, гигиеничная, удобная в массовом изготовлении. За зелеными насаждениями, садами, напшнями — мастерские, предприятия. Все преимущества города и деревни без тени их недостатков.

Нет частной собственности. Все трудятся. Создан безграничный простор для научных производительных сил. Умственный и физический труд, занятия в промышленности и в сельском хозяйстве гармонически сочетаются. Количество производимых материальных благ превышает потребности. Управление основано на точном знании человеческой природы, из коей с абсолютной непогрешимостью выведены Законы и Науки, определяющие жизнь общества. Дети получают только действительно нужные знания, становятся всесторонне развитыми, полезными индивидами, даже не представляющими иных отношений, кроме искренней взаимопомощи, сотрудничества, любви. Учреждаемые на добровольных началах «квадраты» — «поселки общности» — объединяются в федерации и образуют новую Державу, демонстрирующую свое экономическое и нравственное превосходство, но способную в переходный период отстоять себя и военными средствами. Силой примера новая система постепенно распространяется на весь земной шар.

Устранены все антагонизмы. Содружество общин приводит к открытиям и свершениям, невозможным в мире эгоизма и взаимной борьбы. Обеспечив счастье всех без единого исключения жителей Земли — изобилие материальных благ и свободное развитие творческих сил рожденного заново, гармоничного человека, — новая цивилизация вступает в следующую стадию: отпадает необходимость в поощрениях и наказаниях, люди беспредельно совершенствуют условия жизни и самосовершенствуются, движимые неутолимой жаждой познания. Нет больше Зла. Осталось лишь Добро. Воцаряется безмятежное блаженство. Не

слышно ни единой жалобы. Планета превращается в «земной рай»¹.

Такова картина грядущего — «Разумной и благой системы истины, богатства и счастья», или системы «единения, общественной собственности и кооперации», или «Нового нравственного мира», ибо нет у нее единого и постоянного обозначения, — рожденная воображением великого мечтателя более полутора веков тому назад на заре машинного производства и промышленного капитализма. Какое удивительное проникновение в будущее! Сколь многие черты современности — нарастающее вторжение науки и техники во все сферы человеческого бытия, торжество новых производственных отношений, сосуществование и борьба двух систем — как бы говорят нам: помните Роберта Оуэна! И в то же время какой порыв к абсолютно однозначному «инобытию», так напоминающему поля блаженных! Сколь явственна печать мессианства, эсхатологии, сальвационизма. В этом конфликте «несовместимого» весь Роберт Оуэн.

Когда весной — летом 1817 г. на страницах «Таймс» и на митингах в Таверне лондонского Сити Оуэн впервые провозгласил свой «план поселков общности», разросшийся в проект переустройства всей жизни человечества на Земле, большинству современников он показался парадоксальным, безумным. И уж совсем поражал сам «господин Оуэн из Нью-Ленарка» — название фабрики и поселка, превращенных им в «долину чудес», стало его своеобразным титулом. Богатейший фабрикант, опытный, трезвый, расчетливый, мастер извлечения прибыли вдруг предстал как «необузданный фантазер», «визионер», покидаемый старыми друзьями и, казалось, неспособный обрести новых, грезящий о счастье человечества и, казалось, отвергаемый им.

Кто он? Новый Дон-Кихот, маньяк, вообразивший себя господом богом, честолюбец, обуреваемый жаждой власти, или прорицатель, прозревший будущее? Новый Лютер... Бабеф... Робеспьер... Томас Пейн... или миротворец, владеющий тайной истинной заповеди Христа? Куда зовет?..

Почему Оуэн называет свой взгляд на общество «новым»?! — восклицал радикал У. Хэзлитт, подметивший духовное родство между Оуэном, Т. Мором, Дж. Гаррингтоном, У. Годвином и

¹ Мы пытались восстановить общую картину видения Оуэном будущего общества на основании нескольких основных его произведений, в которых это будущее представлено с разной степенью полноты: *R. Owen. Report to the Committee of the Association for the Relief of the Manufacturing and Labouring Poor, March 1817*; *idem. The Life of Robert Owen Written by Himself with Selections from his Writings and Correspondence, vol. I, A. London, 1858, Appendix I*; *idem. The Book of the New Moral World, containing the Rational System of Society by Robert Owen. Complete in Seven Parts. London, 1849*. Особенно интересна новая публикация Американского института марксистских исследований (AIMS): «Robert Owen in the United States». Foreword by A. L. Morton, Introduction by O. C. Johnson. New York, 1970.

якобинцами 1793 г.² Уильям Коббет, некоронованный король радикализма 20-х годов XIX в., напротив, утверждал, что Оуэн смотрит назад, в средневековье, хочет заново покрыть страну монастырями и казармами³. Спор об Оуэне создал трещину в отношениях между Рикардо и его «правоверными» последователями: Торренсом, Мак Куллохом, Дж. С. Миллем, Плейсом⁴. Атори-романтик Соути заявлял, что «согласен с Оуэном во всем, кроме одного: строить без религии, значит строить на песке»⁵. «Оуэн начал паром, а кончил дымом», — восклицал И. Бентам, этот пророк утилитаризма, которому «фантазер» Оуэн обещал самое выгодное в его жизни вложение капиталов⁶. Радикальный журнал «Черный карлик» вопрошал: «Не правительственный ли он агент? Вечно в компании сквайров и духовенства. А деньги на пропаганду? Не свои же он тратит?»⁷ Френологи отвечали: пишка благотворительности у Оуэна необычайно велика!⁸ Но вот на страницах «Таймс» промелькнуло — «утопия»⁹. «Занавес над драмой господина Оуэна опустился», — поспешила объявить газета (ее особенно встревожило обличение Оуэном всех религий). Но это не был даже первый акт...

В идейной истории донаучного социализма и коммунизма Оуэн занял особое место: первым подметил факт промышленного переворота, связал с ним свои мечты об общественном переустройстве на базе общественной собственности на орудия и средства производства. Это поставило коммунистическую утопию Оуэна в ряд высших достижений домарксовской общественной мысли.

Когда мы говорим об Оуэне-коммунисте, мы не должны забывать, что его коммунизм был утопическим. Что утопизм нес в себе не только предвосхищение науки, но и тенденции, без преодоления которых невозможно было ни создание научного коммунизма, ни превращение его в материальную силу. Если вчитываться в произведения Оуэна, придерживаясь порядка их появления, то за монотонным повторением, казалось бы, все тех же формул призывов можно обнаружить нарастание на первый взгляд несовместимых в сознании одного человека, противоборствующих настроений при глубокой убежденности Оуэна в

² *W. Hazlitt. Political Essays with Sketches of Public Characters. London, 1819, p. 98.*

³ «Cobbett's Weekly Political Register», vol. 32, 1817, August 2.

⁴ *D. Ricardo. The Works and Correspondence. Cambridge, 1951—1955, vol. V, p. 467—468; vol. VII, p. 150, 177, 355, 360.* См. также: *Д. Рикардо. Сочинения, т. 1. М., 1965, стр. 318—327; Д. Б. Рязанов. Оуэн и Рикардо. — «Под знаменем марксизма», 1927, № 4.*

⁵ «Mr. Southey's Apology for his «Watt Tylor». In a Letter Addressed to William Smith, Esq. M. P.» — «Gentleman's Magazine», May 1817, p. 390.

⁶ *J. Bentham. The Works, publ. under the superintendence of J. Bowring, vol. X. Edinburgh, 1843, p. 570—571.*

⁷ «The Black Dwarf», vol. I, N 30, Aug. 1817, p. 464—474; vol. XII, N 15, June 1824, p. 446.

⁸ *R. D. Owen. Threading my Way. New York, 1874, p. 66.*

⁹ «The Times», 13, 22.VIII 1817.

верности себе. Он обличает все религии и провозглашает «истинную», «рациональную религию»; утверждает необходимость исторически назревшего перехода к общественной собственности и гарантирует возрастание прибылей; открывает в новых, научных производительных силах материальные предпосылки социальной революции и новой структуры общества и мистически уповает на «великую творческую силу Вселенной»; он исполнен жертвенности и готов диктаторски навязать свою волю всему человечеству... Кроме того, существует и многоликий Оуэн-практик, одно действие которого, казалось бы, опровергает другое. И это все тот же Оуэн. Теоретически мы знаем, что утопический социализм внутренне противоречив. Но в истории всеобщее существует только в конкретном.

Можем ли мы найти этого конкретного, неповторимого Оуэна на страницах оуэноведческой литературы, накопившейся за полтора столетия и насчитывающей сотни названий?

«Мы все согласны, что Роберт Оуэн был великим человеком. Трудности начинаются, когда мы пытаемся решить, какого рода великим человеком он был. Тут-то мы и сталкиваемся с множеством ответов. И с таким же множеством «оуэнов», между которыми «поделен живой Оуэн». «На его месте — длинный ряд гипсовых бюстов с тщательно приколотыми этикетками!»¹⁰. Так пишет А. Л. Моргон в рецензии на книгу Дж. С. Ф. Харрисона «Роберт Оуэн и оуэнисты в Англии и в Америке»¹¹. В самой книге этот мотив звучит еще резче. На потребность синтеза указывает английский ученый-марксист Хобсбаум. Но здесь опять расхождение: Харрисон возражает против того, чтобы видеть в Оуэне и оуэнизме лишь «синдром кооперативного и рабочего движения» и рассматривать учение Оуэна и оуэнистов как один из источников марксизма. Хобсбаум стоит на противоположной точке зрения: «Нужно всеобъемлющее исследование учения Оуэна и его роли в радикальном и рабочем движении»¹². Харрисон не удовлетворен оуэноведческой литературой и отводит историографии лишь несколько абзацев.

С таким нигилизмом трудно согласиться. Каковы пути развития оуэноведения? Как сложилось парадоксальное положение, напоминающее первую реакцию английского общества («кто он?») на выступление Оуэна в 1817 г.?

* * *

Все началось как раз с обретения целостности. Но целостности не объективной, а субъективной, построенной на рефлексии. Склонность к самооценкам в аспекте судеб человечества, характерная

¹⁰ «Morning Star», 14.IV 1969.

¹¹ J. F. C. Harrison. Robert Owen and the Owenites in Britain and America. London, 1969.

¹² Д. Хобсбаум. Новейшие работы по истории утопического социализма в Англии. — В кн.: «История социалистических учений». М., 1962, стр. 437.

для утопистов, отражала как их глубокое бескорыстие и готовность служить человечеству, так и мессианские настроения. Не случайно «Автобиографию» Оуэна как человеческий документ ставят в ряд с исповедями Августина, Руссо, Толстого. И хотя Оуэн в ряде случаев обнаруживает поразительную пронизательность, все же в его взглядах на свою роль в истории господствует иное.

Свою заслугу перед человечеством Оуэн видел не в том, в чем ее видим мы: не в тех чертах его творчества, которые сделали его одним из предшественников научного коммунизма, а в другом: он «открыл», что «характер человека формируется помимо его воли», «не им, но для него»; он «возвестил эту благую весть» человечеству, подавленному сознанием греховности, страхом перед воздаянием в загробном мире, раздираемому распрями между нациями, классами, партиями, сектами на почве ложных взаимобвинений в ответственности за грехи, губящие мир; он, возвестив эту «Всеобщую и Универсальную истину», подсказанную ему «самой Природой», сделал неотвратимым всепрощение и торжество «Вселенской Гармонии» — вот в чем видел Оуэн свое право на бессмертие¹³. В зеркале собственного восприятия Оуэна вся его жизнь, с первых проблесков самосознания, — бескомпромиссное служение формуле «среда — характер», которую Оуэн наделяет магической силой «философского камня» алхимиков, а сам он подобен Монолиту (самоабсолютизация, как увидим, не умаляющая действительного величия Оуэна).

Оуэн решительно был склонен видеть только Себя и Человечество¹⁴. Но субъективный синтез обнаруживал иллюзорность при каждом столкновении с жизнью, ибо объективно творчество Оуэна совершило сложную эволюцию, как бы пронизавшую восходящим и нисходящим потоком все уровни современной ему переходной эпохи, и не обладало органическим единством. В нем отслоились: и докапиталистическое — филантропия, эсхатология; и буржуазное — рационализм, утилитаристские тенденции; и послекapиталистическое — как предчувствие, мечта, коммунистическая утопия с элементами материалистического понимания истории и диалектики. Но того, что знаем мы, никто еще не знал. Объективное содержание каждой составной, внутренняя логика переходов и качественных скачков были скрыты и от Оуэна, и от современников с той разницей, что первый и не ощущал их, а вторые видели только результаты. Ему виделся непрерывно бегущий «фильм». Им — только выхваченные, застывшие «кадры», каждый

¹³ См., например, Р. Оуэн. Революция в сознании и деятельности человеческого рода, или грядущий переход от неразумия к разумности. — В кн.: Р. Оуэн. Избранные сочинения, т. II. М., 1950, стр. 139—140. Эта идея пронизывает и «Автобиографию» Оуэна. См. также: R. Owen. The Future of the Human Race. London, 1853, 1854; «Robert Owen's Millennial Gazette», 1856—1858.

¹⁴ См., например, «Robert Owen's Address to the Human Race on His Eighty Fourth Birthday, May 14, 1854, with his legacy...» London, 1854.

из которых предлагал тот или иной вариант достижения «социальной гармонии» на базе машинного производства. И началось расщепление.

Тогда и в тех формах оно было и закономерным, и плодотворным: ведь выявление объективной значимости «составных» возможно было только в результате «вылущения» и «присвоения» представителями разных классов (в лице идеологов) многообразных течений домарксового социализма — все они оказались «в долгу» у Оуэна) того, что было созвучно их самым сокровенным побуждениям¹⁵. Проверая тех, кто вылепил для себя из присвоенной «части» нового, «препарированного» Оуэна, жизнь проверяла и этих «Оуэнов». И на каждом запечатлела свой штамп: «от прошлого» — на Оуэне феодально-христианских социалистов; «от настоящего» — на Оуэне либерально-консервативных социалистов; и только Оуэн его последователей-социалистов и оуэнистов-коммунистов был отмечен печатью «будущее». Это была «вершина». Опорная точка будущего синтеза. Только с нее можно было обозреть всего Оуэна. Но для того, чтобы реализовать эту возможность, нужно было подняться и над оуэнизмом на уровень научного мышления. Между тем Оуэн, ожидавший воцарения «Вселенской Гармонии» от вмешательства потусторонних сил, становился объектом идолопоклонства фанатичных сектантов-мистиков, в особенности сведенборгианцев.

Так Оуэн «для себя» превращался в Оуэна «для некоторых других».

Со страниц документов, отразивших процесс этой, если так можно выразиться, объективации, Оуэн многоликий попадает в историографию. У нес свой вторичный, отраженный ритм пульса общественной жизни. Основные ракурсы оуэноведческой литературы уже определены на десятилетия. Консервативно-либеральная, реформистская (кооператоров, фабрианцев, лейбористов) историография не прибавит принципиально новых. Но зато выявится своеобразный цикл чередования анализа и синтеза, смены конкретно-исторического наполнения «стандартных» ракурсов, с утверждением промышленного капитализма, с переходом от промышленного капитализма к империализму, с возникновением и углублением общего кризиса капитализма. Здесь можно различить и более глубокие процессы.

Дж. Холиок¹⁶, А. Паккард¹⁷ и Л. Джонс¹⁸ пытались «син-

¹⁵ См., например, *G. Carnall. Robert Southey and his Age. The Development of a Conservative Mind.* Oxford, 1960, p. 153—154; *R. Southey. New Letters of Robert Southey*, vol. II. New York — London, 1965, p. 141; *idem. Essays Moral and Political*, vol. II. London, 1832, p. 24. См. также: *H. G. Macnab. The New Views of Mr. Owen of Lanark, Impartially Considered.* New York, 1819.

¹⁶ *G. J. Holyoake. Life and Last Days of Robert Owen of New Lanark.* London, 1859; *idem. Sixty Years of an Agitator's Life.* London, 1906.

¹⁷ *F. A. Packard. Life of Robert Owen.* Philadelphia, 1886.

¹⁸ *L. Jones. The Life, Times and Labours of Robert Owen.* London, 1889.

тезировать» образ Оуэна как основателя кооперативистского социализма. Однако не они определили основную тенденцию оуэноведения в период, который можно было бы назвать либерально-консервативной интермедией (до 80-х годов XIX в.). «Сухо, холодно, бесплодно». Автор «осудил свои жертвы» — Сен-Симона, Фурье, Оуэна, предложив их Академии «на сожжение», — так отзывался в 1840 г. о книге Л. Рейбо¹⁹ О. Бальзак²⁰. Официозная историография, например В. Саргант²¹, рассекла Оуэна надвое: фабриканта-филантропа и утописта-коммуниста. Первый — «гуманист», «реалистический политик» — достоин увековечения. Второй — «визионер» — забвения. Тайна превращения доступна лишь специалистам по психопатологии. Либеральный и консервативный аспекты, в общем-то единого ракурса, способствовали большему дроблению: в первом — язычник, исполненный суеверного преклонения перед роком; во втором — исполненный гордыни атеист, безбожный материалист. Фокусировка однозначна: «антихрист», «утопический фанатик». Действительный смысл полемики по вопросу о свободе воли и детерминизме: вправе ли люди переустраивать социальное бытие в интересах трудящихся, — оставался скрытым.

Но погребальный звон по утопическому социализму порой возбуждал к нему интерес. Не случайно перевод книги Бута²² был осужден царской цензурой на сожжение (уже в буквальном смысле), как способствующий распространению «атеизма, материализма и коммунизма»²³.

И в России Оуэн был воспринят по-разному²⁴. Сначала было «видение» верхов: императрицы-матери Марии Федоровны, возможно, первой узнавшей о нью-ленаркском кудеснике от династических родичей: великих князей Николая и Михаила, посетивших «для изощрения ума» Нью-Ленарк (1816), откуда вывели смутный образ «укротителя работников» и щедрый дар — великолепный комплект столового серебра; Александра I, который видел Оуэна глазами фанатичного квэкера Аллена (их сблизил мистика) и, возможно, содействовал изгнанию Оуэна из Нью-

¹⁹ *L. Reybaud. Etudes sur les réformateurs contemporains.* Paris, 1840; *idem. Robert Owen.* — «Revue des Deux Mondes», 1.IV 1838.

²⁰ *O. de Balzac.* Собрание сочинений в пятнадцати томах, т. 15. М., 1955, стр. 335.

²¹ *W. L. Sargant. Robert Owen and his Social Philosophy.* London, 1860.

²² *A. J. Booth. Robert Owen, the Founder of Socialism in England.* London, 1869; русск. перевод: *А. Бут.* Биография и деятельность Роберта Оуэна. СПб., 1870.

²³ См. ЦГИАЛ, ф. 777, СПб., Цензурный комитет, оп. 2, д. 58, 1870. 39 лл.; ф. 779, оп. 1, ед. хр. 243, 1870; ф. 776, оп. 812, ед. хр. 7, лл. 633—641.

²⁴ См. *П. Сакулиш.* Русская литература и социализм, ч. I. М., 1924; *А. И. Володин.* Начало социалистической мысли в России. М., 1956, стр. 21; *Т. М. Торштин.* Учение Роберта Оуэна и его влияние на распространение и развитие социалистических идей. Рязань, 1972, стр. 105—129.

Ленарка: эксперимент уже представлялся «подрывающим устои». Но Аллен приобщил к Нью-Ленарку «собираателя знаний для русского двора» (Оуэн) академика И. Х. Гамеля (1788—1862), прожившего своими публикациями (1819, 1820) начало оуэноведению в России. В социальном творчестве Оуэна Гамель видел лишь просветительскую филантропию²⁵. В 1825 г. на страницах «Атеней» Нью-Ленарк был представлен как образцовое промышленное заведение (возможно влияние на Александровскую мануфактуру). Но, кроме монархического и дворянско-буржуазного, существовало иное восприятие.

Пушкину, декабристам импонировал Сен-Симон, мятежный граф, потомок Карла Великого (возможно, о Фурье и Оуэне не знали). Петрашевцы грезили грезами Фурье — парижского Макара Девушкина, хотя их воображение занимал и Нью-Ленарк. Добролюбов, Герцен, Огарев, Чернышевский находились под особым обаянием Оуэна. Не случайно Кропоткин обронил: русская революция пошла от Оуэна (назван первым), Сен-Симона, Фурье. И вот на смену расщеплению, подсчету, что трезво, полезно, выгодно, приходит новый синтез: Оуэн — особое явление, не измеримое буржуазными, мещанскими мерками «здорового смысла»; в нем все органически слитно: чувства, мысли, дела. Но это не воспроизводство рефлексии Оуэна и не слепое обожание утинцев, против которого так восставал «Колокол». Это не Оуэн, исцеляющий человечество от чувства греховности и тем воцаряющий «социальную гармонию». Это Оуэн, «звущий к цели»²⁶, а цель — переустройство общества, социализм. Оуэн — Социалист среди социалистов²⁷. У этого синтеза были свои иллюзии: внутренняя противоречивость объяснялась наивностью, святостью. Всемирно-историческое затмевало конкретно-историческое.

На мрачном небосклоне эпохи Оуэн был одной из самых ярких путеводных звезд. Естественно, самодержавие стремилось погасить их. Безапелляционные формулировки обвинительных заключений цензуры обладают своей историографической ценностью: суть пухлых официозных изысканий (например опуса Щеглова²⁸) сведена здесь к нескольким заклинаниям, подкрепленным всей мощью государственного аппарата. И вот что интересно. Цензура апеллировала не к анемичномуProvidenciaлизму формулы «православие — самодержавие — народность», а к либеральной концепции свободы воли²⁹. Одну крамолу пытались побить другой. Между тем, так и не увидевшая света рукопись

²⁵ И. Х. Гамель. Описание способа взаимного обучения по системам Белла, Ланкастера и других. СПб., 1820, стр. 80, 119.

²⁶ «Колокол». Факсимильное издание. М., 1962. стр. 324, 1568.

²⁷ Там же, стр. 1783, 1799, 1823.

²⁸ Д. Щеглов. История социальных систем от древности до наших дней, т. I. СПб., 1870, стр. 467—641.

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, ед. хр. 2177, л. 1.

об Оуэне «для фабричных» (1875)³⁰ была симптомом рождения нового Оуэна — народнического. В нем филантроп и утопический коммунист поначалу совмещены, наложены друг на друга. Но затем они снова расщепляются анархистским, кооперативистским, либеральным, кадетским и т. д. «видением». Появляется множество Оуэнов: односторонне «психологизированных» (С. Н. Булгаков)³¹, не менее односторонне «рационализированных», противопоставляемых Марксу в качестве апостолов «истинной социальной науки» (Туган-Барановский)³². Но ни одного серьезного труда. Новый синтез, уже на марксистской основе, рождается лишь в блестящих работах Г. В. Плеханова.

А теперь снова обратим взор за пределы России.

Печальное зрелище являл столетний юбилей (1871) великого мечтателя, казалось, обреченного на забвение³³. Но не прошло и полтора десятков лет, как началось бурное оуэнистское «возрождение», связанное с ростом социалистического движения, с потребностью переосмысления, вызванной переходом к империализму.

Переиздаются старые (увидела свет и рукопись Л. Джонса) и создаются новые труды. В 1898 г. фабианец Г. Уоллес заново провозглашает Оуэна родоначальником английского социализма³⁴. В 1902 г. торжественно открыт памятник (Ньютаун, Уэльс)³⁵. В 1908 г. широко отмечено 50-летие со дня смерти. «Р. Оуэн посеял семя, современное рабочее движение начинает складывать урожай в амбары», — писал Кейр Гарди³⁶.

Но что это? Будто все начинается сначала. Снова образ Оуэна дробится и множится. Здесь снова «маг» и «волшебник», владеющий тайнами классового мира (теперь уже «родоначальник патернализма» и «участия в прибылях»); великий зачинатель постепенного преобразования хаоса в «социальную гармонию»; педагог, обладающий секретом перевоспитания человечества; здесь и знакомый нам «фанатик», автор «беспочвенных проектов» коммунистического переустройства, каким его рисует Дюринг, попросту, как отмечает Энгельс, переписавший Сарганта³⁷. Нет только Оуэна — утопического коммуниста во всем его величии и проти-

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, ед. хр. 11, л. 54.

³¹ С. Булгаков. Социальная философия Роберта Оуэна. — «Вопросы философии и психологии». М., 1911, кн. 107 (11), стр. 167—185.

³² М. И. Туган-Барановский. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. СПб., 1903, стр. 93—110; его же. Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1908; его же. Роберт Оуэн. Одесса, 1920.

³³ См. J. F. C. Harrison. Op. cit., p. 189.

³⁴ G. Wallace. The Life of Francis Place, 1771—1854. London, 1908, p. 63—64.

³⁵ «Robert Owen Cooperative Memorial at Newtown». Manchester, 1902.

³⁶ «The Cooperative News», 13.VI.1908, p. 727; «Le Socialiste», 27.VI.1908; «L'Humanité», 31.VI.1908.

³⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 275—276.

воречивости. Тон задают фабианцы³⁸, воспринявшие эстафету оуэнистов-кооператоров: Оуэн, капиталист-филантроп, уже был социалистом; истинная колыбель социализма не «план поселков общности», а Нью-Ленарк — прообраз грядущей гармонии, если только достижение ее в силах человеческих.

Чем явственнее ощущение непреходящей значимости Оуэна, тем острее потребность понять, кем же он был, — потребность нового синтеза. «Когда я взялся за написание биографии Оуэна..., то обнаружил, что мое личное желание совпадает с более широким движением общественной мысли: я стал как бы бессознательным инструментом более мощных, скрытых сил», — писал автор «классического» и поныне жизнеописания Оуэна — Ф. Подмор³⁹. Зарождается «большая историография» Оуэна, оуэнизма.

Работа Э. Симон⁴⁰ — одна из ранних попыток систематизировать идеи Оуэна. Но в самом замысле — причины слабости: исчезает фантасм, мечтатель, Оуэн модернизируется под социалиста начала XX в. Э. Доллеан⁴¹, напротив, видит преимущественно «фантастическое», подвергая его интенсивной бомбардировке с позиций «эволюционного социализма». Для Доллеана утопический социализм — лишь слепое воспроизведение «ошибок просветителей» и религиозного фанатизма сектантов-милленаристов. Он не видит в фантазиях Оуэна контуров нового мира.

Ф. Подмор, на первый взгляд, воспаряет над схематизмом Э. Симон и тенденциозностью Э. Доллеана: Оуэн «не был ни реформатором, ни капитаном промышленности». «Он имеет другие основания на память потомства. Он был пророком». «Кошмару, подавлявшему современников, он противопоставил мечту». «Одни продвигаются шаг за шагом, возводя постройку камень за камнем. Другие устремляют свой путь к звездам, их обиталища нерукотворны...»⁴². Но на самой высокой ноте этого апофеоза голос Подмора срывается: Нью-Ленарк — вот «величайший урок, который Оуэн дал человечеству», — повторяет Подмор клише либерально-консервативной и реформистской историографии. Чиновник почтового ведомства фабианец Подмор (1855—1910) был фанатичным спиритом. Его видение Оуэна отразило некоторые интимные черты фабианства, настроения тех, кого терзала совесть при мысли, что «атеист», «материалист», «антихрист» канонизирован как патриарх английского, фабианского социализма. Подмор воспринимает элементы материализма во взглядах Оуэна просто как инородные вкрапления, которые легко элиминировать.

³⁸ B. L. Hutchins. Robert Owen. Social Reformer. Fabian Tract № 166. London, 1912. См. предисловие С. Уэбба к кн.: B. L. Hutchins, A. Harrison (Mrs F. H. Spencer). A History of Factory Legislation. London, 1911, p. VI—IX.

³⁹ F. Podmore. Robert Owen. A Biography. London, 1923, Preface, p. III.

⁴⁰ H. Simon. Robert Owen, sein Leben und seine Bedeutung für die Gegenwart. Jena, 1905.

⁴¹ E. Dolleans. Robert Owen. Paris, 1905.

⁴² F. Podmore. Op. cit., p. 645—646, 650.

Тогда останется Оуэн, достойный канонизации. Добросовестный собиратель и компилятор, Подмор создал труд, сохранивший несомненное источниковедческое значение.

Работа Подмора написана преимущественно для специалистов. Более популярен был образ Оуэна, нарисованный Максом Бером: полный драматизма «духовный богатырь», возвышающийся на «роковом распутье между социализмом нового и новейшего времени»⁴³. Драма Оуэна, завершившаяся, по Беру, полным крахом дела всей его жизни, — в том, что «устарелое мировоззрение помешало ему уловить также дух новейшей эпохи — учение об исторической эволюции и значение борьбы рабочего класса»⁴⁴.

Единственным светлым пятном на фоне всей этой литературы была брошюра Вильгельма Либкнехта⁴⁵. Не лишенная недостатков (некоторый схематизм, слабая источниковедческая база), она представляла собой явление принципиально нового порядка: она была первой попыткой марксистского освещения жизни и творчества Оуэна.

Таков был главный итог оуэноведения к началу первой мировой войны.

Разразившаяся империалистическая бойня поставила новую проблему: куда идти от капитализма, империализма, несущих смерть и страдания? Едва начал рассеиваться угар шовинистического безумия, — появляются новые и переиздаются старые труды об Оуэне. В них резче, чем когда-либо, особенно после Октябрьской революции, обозначаются несовместимые ракурсы. Если победят идеалы Оуэна — утопического коммуниста, — берегите ваше столовое серебро — таков лейтмотив брошюры в серии фабианских очерков (кстати, отношение Оуэна к столовому серебру нам известно). Но обнаруживается и тенденция видеть в русской революции торжество позитивных дел и мечтаний Оуэна-кооператора. Мы не говорим уже о работах, укладывающихся между этими полюсами.

Новая эпоха потребовала нового синтеза. «Лучшей из новейших работ» назвал В. П. Волгин книгу Дж. Г. Коула «Роберт Оуэн» (русский перевод — 1931 г.)⁴⁶, отметив, однако, что в методологическом отношении она «не может вполне удовлетворить читателя-марксиста». Попытка впервые сделать стержнем исследования проблему Оуэн и рабочий класс, Оуэн и рабочее движение — несомненная заслуга Коула. Охарактеризовав нью-ленаркский эксперимент как попытку «примирить филантропию с эксплуатацией», Коул порывает с традиционной фабианской оценкой

⁴³ М. Бер. История социализма в Англии, ч. I. М.—Пг., 1923, стр. 236.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ W. Liebknecht. Robert Owen. Sein Leben und Sozialpolitisches Wirken. Nürnberg, 1892.

⁴⁶ G. D. H. Cole. The Life of Robert Owen. London, 1925; 2nd ed. 1930.

Нью-Ленарка в духе абстрактно-сентиментального гуманизма и сближается с Энгельсом, полагая, что «в самом ходе нью-ленаркского эксперимента совершалось развитие Оуэна из просвещенного предпринимателя, старающегося исправить недуги фабричной системы, во врага капитализма». Но гильдейский социалист Коул, почитающий Оуэна как своего учителя, не видит грани, отделяющей социализм утопический от научного. Получается «некоторая идеализация Оуэна, несколько преувеличенная оценка Оуэна как вождя рабочего движения»⁴⁷.

Коул был самым крупным оуэноведом в период между мировыми войнами.

Связанные с результатами второй мировой войны изменения в мире и попытки мысленно проникнуть в будущее порождают новую волну оуэноведческой литературы и переизданий источников (в частности в Польше, Болгарии, тогда еще Восточной и Западной Германии), на первых порах в старой традиции механического расщепления, хотя в странах, ставших на путь социализма, наметился и новый подход.

Между тем нарастал необратимый процесс крушения «классических», фундаментальных либерально-консервативно-реформистских представлений, с точки зрения которых в процессе грандиозных изменений в жизни человечества, в условиях общего кризиса капитализма и раскола мира на две системы многое «фантастическое» обернулось реальностью, а «реалистическое» — фантастичным. Социалистическая организация общества на основе марксистско-ленинского учения, объявленная утопической, стала фактом существования стран социалистической системы. А утопичность как раз обнаружил либерально-консервативно-реформистский «здравый смысл».

«Социология познания» стимулировала новое направление в литературе об утопии, представленное в оуэноведении книгой прогрессивного американского ученого Артура Ю. Бестора «Утопии девственных лесов»⁴⁸. Бестор отвергает термин «утопический социализм» как тенденциозный, возникший в межпартийной полемике, вводя вместо него «коммунитаристский социализм», «социализм коммун» и рассматривая это явление как фазу общинной традиции, развившейся в недрах религиозного сектантства. Бестор делает ряд важных выводов; в частности о том, что истоки оуэновского социализма нужно искать не в диктаторских тенденциях, обнаружившихся в Нью-Ленарке (как полагал, например, Э. Доллеан), а, во-первых, в гуманизме Оуэна, во-вторых, в понимании им общественной природы богатства, роли новых производительных сил; в-третьих, в коллективистском подхо-

де к социальным проблемам в противовес господствовавшему индивидуализму. Бестор, единственный в немарксистской литературе, признал 1817 год вершиной эволюции Оуэна. Но, не отдавая себе отчета в том, что коммуитаризм — лишь разновидность утопического социализма, Бестор уходит в сторону от взятого было курса и утрачивает ощущение всемирно-исторического в Оуэне и оуэнизме, что снижает ценность исследования.

Из полемики об утопии, вспыхнувшей в 60-х годах, выросло «последнее слово» оуэноведения — монография Дж. Харрисона «Роберт Оуэн и оуэнисты в Британии и Америке. В поисках Нового нравственного мира». Итак, снова Харрисон.

Традиционные методы историографии себя исчерпали, и она должна искать помощи на стороне — таков исходный тезис автора, определяющего свое исследование как эксперимент в области сравнительной социальной и интеллектуальной истории. Отвергая представление об оуэнизме как «одной из разновидностей домарксового социализма, с упором на экономическую доктрину и критику капитализма», Харрисон ищет истоки его в эволюции аристократическо-буржуазной филантропии и приходит к выводу, что оуэнизм разрывает ее оболочку уже на раннем этапе промышленной революции и становится чем-то большим. Чем? Харрисон лишил себя возможности ответить на этот вопрос, поскольку его установка оставила вне исследования тот объективный аспект оуэнизма, который обращен в будущее. То, что для Бестора стало раскрепощающим творческую мысль стимулом к поискам, для Харрисона — фактор закрепощающий, сковывающий. Он кончает тем же, чем начал Бестор: сводит оуэнизм к религиозному сектантству, приземляет его до феномена, имевшего значение только для совокупности условий, его породивших, умирающего вместе с ними.

Таков путь немарксистского оуэноведения.

Итак, развитие литературы об Оуэне и оуэнизме носит пульсирующий характер. Интерес вспыхивает в переходные эпохи, когда начинается поиск ответов на коренные проблемы социального бытия. И затухает, когда ситуация «проясняется» и наступает время действий. Каждая вспышка стимулирует расширенное воспроизводство литературы на базе «классических» работ предшествующего периода, которые становятся исходной точкой анализа. Ей сопутствуют частные исследования на новом фактическом материале, но в рамках традиционных ракурсов. Наконец, на модифицированной мировоззренческой основе приходит новый «синтез» (очередной «классический» труд), который будет «перекрыт» на следующем этапе. Такова тенденция «спиралевидного» движения оуэноведения, которую можно различить в ходе этих полутора столетий. При этом обнаруживаются несколько периодически воспроизводимых «синтетических установок», каждая коренится в особом, классово обусловленном восприятии исторического процесса.

⁴⁷ См. Дж. Д. Г. Колл. Роберт Оуэн. М.—Л., 1931, вступительная статья В. П. Волгина.

⁴⁸ А. Е. Бестор. Backwoods Utopias. The sectarian and Owenite Phases of Communitarian Socialism in America. 1663—1829. Philadelphia, 1950.

Во-первых, самовосприятие Оуэна и «растворяющихся» в нем эпигонов (мещанских либо деклассированных) «рациональной религии». Для них не было вчера. Нет сегодня. История пахнет только завтра, с воплощением в жизнь «Науки наук» «Основателя». В таком восприятии Оуэн — монолит.

Далее, не столь экзотическая, но тем не менее гипертрофированная «рационализация» взглядов и творчества Оуэна реформистами-кооператорами и наследующими им либеральными народниками, фабианцами, лейбористами. Они не различают идей и настроений. Достраивают отдельные положения, мысли до законченных концепций. Все, что не укладывается в прокрустово ложе такой «рационализации», отбрасывают, как случайный, несущественный пережиток «вчерашнего». Либо воспринимают это как печать «святости», «знамение истинно христианского духа». Они не различают главного в том, что у Оуэна обращено в грядущее, и воспринимают как универсальную социальную науку его уравнительные тенденции. Этот синтез коренится в своеобразном «презентизме»: история — лишь вечное сегодня, а потому кооперативные идеи Оуэна сохраняют вечную значимость. Такова «логика» идеализации Оуэна и оуэнизма (и, очевидно, утопистов вообще).

Затем можно различить гипертрофированную «психологизацию»: все рациональное, позитивное, поскольку оно не выходит за пределы конкретно-исторического (буржуазного, добуржуазного), выносится за скобки утопии, а элементы нового знания, т. е. всемирно-исторические провидения, будь то в рациональной или фантастической форме, представляются лишь как продукт психологизации, как нечто, пришедшее из «тьмы веков» и потому заслуживающее погребения столько раз, сколько встретится на пути «прогресса». Это «синтез», коренящийся в плюралистическом мехапистическом восприятии истории как «лестницы эпох», разделенных непроницаемыми перегородками. Утопии — лишь психологические памятники, обреченные исчезнуть вместе с прошлым. В утопиях нет и не может быть выхода в будущее. Такова логика дискредитации оуэнизма, характерная для либерально-консервативной историографии.

Наконец, круг замыкается на сентиментальных тори и «социально» мыслящей части духовенства (феодално-христианских социалистах), сливающихся с фанатичными эпигонами «рациональной религии» в преклонении перед Оуэном, но уже не «Основателем» «Науки наук», а новым мессией, придавшим новый блеск «откровению истинного христианства». Здесь в фокусе мистика утопизма. Этот синтез коренится в «органическом» провиденциалистском видении исторического процесса как непрерывного развертывания в пространстве и времени «Великой тайны» — неисповедимых замыслов творца Вселенной.

Только русские революционные демократы, оуэнисты-социалисты и оуэнисты-коммунисты приближаются к тому, чтобы

разорвать заколдованный круг. Для них главное — предвосхищение нового общественного строя, призыв к переустройству общества. Продвинувшись дальше Оуэна в этом направлении, они уже критически воспринимают некоторые части его учения, например элементы сентиментальной филантропии; но все же в их восприятии всемирно-историческое затмевает конкретно-историческое.

Так каждый «синтез» оборачивается абсолютизацией той или иной черты мировоззрения, идейного содержания, социального творчества Оуэна.

Попыткой вырваться за пределы тенденциозного схематизма и охватить явление в целом стали работы, написанные в русле «социологии познания». Но и предложенная ими «коммунитаристская модель» не решает проблемы, ибо не объясняет диалектики качественного скачка от буржуазной филантропии к утопическому коммунизму, смещает фокус исследования с центра на периферию.

Теперь сосредоточимся на некоторых исходных методологических установках.

«Основатель движения социалистов Оуэн пишет в многочисленных своих книжках на манер немецких философов, т. е. очень плохо, но временами его мысль вдруг проясняется, и он придает тогда своим темным писаниям удобоваримую форму; впрочем, воззрения его многообъемлющи. По Оуэну, «брак, религия и собственность — единственные причины всего зла, какое существовало от начала мира» (!!); все его сочинения кишат яростными нападками на теологов, юристов и медиков, которых он валит в одну кучу»⁴⁹. Вот и все! — Все, что впервые пишет 22-летний Энгельс об Оуэне. Не только интерес: настороженность, потребность разобраться вызывает у Энгельса этот пока еще несколько таинственный «основатель движения социалистов». Лишь в связи с процессом выработки и развития научного коммунизма может быть осмыслено восприятие Марксом и Энгельсом Оуэна и оуэнизма.

Оуэна «открыл» Энгельс. Англия потрясла его: образованные верхи «глухи и слепы к знаменам времени»⁵⁰. Чем «ниже», необразованнее класс, тем он прогрессивнее, тем большую свободу имеет. Поистине: «блаженны нищие», «мудрость сего мира стала безумием», — цитирует Энгельс⁵¹. «Такое положение характерно для всякой революционной эпохи, что особенно проявилось в религиозной революции, продуктом которой было христианство»⁵². Это гениально смелое (Энгельс не боится шагнуть через века) сопоставление позволяет «прочитать» оставшееся тай-

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 519.

⁵⁰ Там же, стр. 513.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

ной для тех, кто искал мерки покорооче: социализм и чартизм — не «безумие», не «бессмысленный бунт черни», а предвестники всемирно-исторического переворота, сопоставимого разве что с эпохой, породившей христианство (параллель, к которой Энгельс возвращался не раз). В первом восприятии Оуэн и предстает фигурой, созвучной раннехристианским пророкам: признание его величия, как выразителя глубинных процессов в народном сознании, предвосхищающих грядущие революционные перемены.

Но эпохальному Энгельс не позволяет развиться в абсолютизованную абстракцию (как, например, у Карлейля), застилающую живую плоть конкретно-исторического: качество надвигающегося переворота. Августовская стачка (1842 г.) чартистов подсказывает: не принципы, как в предшествовавших буржуазных революциях, а обнаженные интересы станут его пружиной. «Революция будет не политической, а социальной». Интеграция и качественное преобразование общественных идеалов Оуэна и оуэнистов помогают, наряду с другими факторами, преодолеть незавершенность понятия «социальная»: «радикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей основой коллективную собственность» — «коммунизм» — «необходимый вывод... из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации»⁵³. Теперь, в свою очередь, Оуэн, оуэнизм воспринимаются как одна из закономерных составных всемирной истории, протояющих национально-особенные (английский — практический, французский — политический, германский — философский) пути к всеобщей коммунистической революции. Немецкие коммунисты опередили французских в теоретическом отношении, но «во всем, что касается практики, фактов современного общественного строя»⁵⁴, впереди оуэнисты; у них есть чему поучиться. Все яснее открывался объективный исторический смысл «странных» творений Оуэна, все большие богатства обнаруживал в них Энгельс.

В брюссельских и манчестерских тетрадах (1845—1847 гг.) Маркса Оуэн представлен «особенно хорошо»⁵⁵: почти 300 выписок. Но еще в 1844 г. («Экономическо-философские рукописи») Маркс, набрасывая грандиозную картину исторической эволюции донаучного коммунизма, помещает Оуэна в фокус мировоззренческой проблематики: «Коммунизм сразу же начинается с атеизма (Оуэн), атеизм же на первых порах далеко еще не есть

коммунизм; ведь и тот атеизм, с которого начинается коммунизм, есть еще преимущественно абстракция»⁵⁶. Атеизм еще как абстракция и уже как мировоззренческая основа порыва к действию⁵⁷, нацеленному на преобразование мира, — ключ ко многим загадкам Оуэна, диалектика противоборствующих в его сознании мировоззренческих начал.

В «Святом семействе» (1844—1845) и «Немецкой идеологии» (1845—1846) Маркс и Энгельс не только отстаивают Оуэна от тех, кто высокомерно третировал его как «массовидного коммуниста», а его творчество воспринимал лишь как эхо нечленораздельного вопля «враждебной духу» «некритической массы», но и демонстрируют превосходство коммунизма Оуэна над «коммунизмом» «святого Санчо» — Штирнера и др. Оуэн, как и Руссо, догадывался об основном пороке цивилизации — «всякий прогресс духа был до сих пор прогрессом в ущерб массе человечества». Отталкиваясь как раз от достижений, до которых доработался «дух» в недрах античеловечной цивилизации, он, а за ним Дезамы и Грей, развили «учение материализма как учение реального гуманизма и как логическую основу коммунизма»⁵⁸. Но и Оуэн становится объектом преодоления. «Реального гуманизма» — значит, революционно-действенного. Но революционное действие требовало нового мировоззрения. Оно не могло быть достигнуто умозрительно-логическим развитием созерцательного механистического материализма. Однако в эпоху Оуэна история еще не создала объективных условий для выработки нового мировоззрения, властно определив лишь его потребности. Попытка удовлетворить ее с помощью старой идейной фактуры в конце концов оборачивалась абстракцией — спиритуализмом материи. Антиномичность мышления Оуэна, которой он был обязан, как отмечает Маркс, английскому и французскому материализму, неизбежно приводила к разделению общества «на две части, одна из которых возвышается над обществом»⁵⁹. Поэтому социализм Оуэна «относится с большой терпимостью к буржуазии и очень во многом несправедливо к пролетариату»⁶⁰. В «Нищете философии» (1847 г.) и «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.) Маркс и Энгельс уже в обобщенной форме вскрывают качественное различие между всеми, даже «более научными» формами донаучного социализма и коммунизма, среди них Оуэна, и коммунизмом научным.

Невозможность увидеть реальные движущие силы истории побуждала изобретать их, искать за пределами истории. Поэтому не только грубо аскетические, уравнивательные, но и «собственно

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 525.

⁵⁴ Там же, стр. 541.

⁵⁵ M. Rubel. Les cahiers de lecture de Karl Marx. — «International Review of Social History», vol. II, 1957, Part 3, p. 401. См. также: В. Э. Кунина. К оценке деятельности Роберта Оуэна Марксом. — ИМЛ при ЦК КПСС. Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, 1959, № 3, стр. 29—32; *её же*. Маркс и последователи Роберта Оуэна в I Интернационале. — Там же, 1972, № 24, стр. 16—25.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 589.

⁵⁷ См. там же.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 146.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 2.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 459.

социалистические и коммунистические системы, системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д.» выступали как «фантастическое описание будущего общества», возникающее «из первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества»⁶¹. «Критические элементы» в творчестве Оуэна, как и других доначальных социалистов-коммунистов, дали ценный материал для просвещения рабочих, но «положительные выводы насчет будущего общества» — «уничтожение противоположности между городом и деревней, уничтожение семьи, частной наживы, наемного труда, провозглашение общественной гармонии, превращение государства в простое управление производством» — в том виде, в каком они были выдвинуты Оуэном, носили «совершенно утопический характер»⁶². Значение утопии, фантастики как конкретно-исторического, субъективного способа выражения всемирно-исторической потребности находится «в обратном отношении к историческому развитию»⁶³, поэтому стремление утопистов остаться верными себе, своей фантастике неизбежно приводит к тому, что характер их конфликта с реальностью меняется, превращается в свою противоположность: революционное оборачивается реакционным (Оуэн в исторической перспективе — Карлейлем).

Так вырисовываются контуры синтетического подхода к утопическому социализму, подхода, подготовленного глубоким анализом, в процессе выработки принципиально нового мировоззрения, исторически более высокого уровня мышления, только и открывавшего возможность подлинного синтеза. О том, какого труда стоило преодолеть «социалистический и критический утопизм всех сортов»⁶⁴, Маркс напомнил в работе «Господин Форт».

Почти десять лет после «Манифеста Коммунистической партии» в произведениях Маркса и Энгельса нет упоминаний об Оуэне, кроме эпизодических. Но когда на базе нового мировоззрения Маркс приступил к развернутой разработке своего экономического учения и в этой связи вернулся к Оуэну как экономисту, он обнаружил во взглядах Оуэна гораздо больше близких ему положений, чем в период мировоззренческого размежевания. Так была продолжена и углублена творческая переработка всего ценного у Оуэна и оуэнистов, что при неизменной общей оценке позволило точнее определить непосредственно теоретически предвосхищавшее научный коммунизм. Маркс устанавливает «исторический взгляд Оуэна на промышленное (капиталистическое) производство»⁶⁵, понимание Оуэном того, что «промышленная система» была закономерной стадией в развитии человечества и подготавливала появление более высокой структуры общества

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 455—456.

⁶² Там же, стр. 456.

⁶³ Там же.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 461.

⁶⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 222—223.

и в «Капитале» делает вывод о том, что Оуэн «не только фактически исходил в своих опытах из фабричной системы, но и теоретически провозгласил ее исходным пунктом социальной революции»⁶⁶.

Определяя место Оуэна как экономиста «рикардовского периода политической экономии», Маркс, во-первых, помещает Оуэна, как более последовательно решавшего проблему собственности, выше Сен-Симона и Фурье (Оуэн — коммунист, Сен-Симон и Фурье — социалисты); во-вторых, проводит фронтальное сравнение исторического смысла экономических представлений Оуэна с представлениями как других антикапиталистов — Рейвистона и Сисмонди, так и Мальтуса. Оуэн стремится, уничтожив антагонизм, удерживать его плоды в то время, как «одни хотят увековечить этот антагонизм ради его плодов. Другие готовы, чтобы избавиться от антагонизма, пожертвовать теми плодами, которые выросли в рамках этой антагонистической формы», третьи предпочитают вернуться «к устаревшим формам антагонизма, чтобы избавиться от него в его острой форме»⁶⁷. И в другом месте: «Оуэн предполагает непосредственно обобществленный труд, т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству»⁶⁸. Маркс также дает оценку нью-ленаркскому эксперименту Оуэна с точки зрения уже обнаруживающихся в нем всемирно-исторических тенденций⁶⁹, с точки зрения предпринятых условий освобождения рабочего класса⁷⁰, а также в плане непосредственного воздействия этого эксперимента на экономическое и социальное развитие буржуазного общества⁷¹.

Но дело не ограничивается этим.

«„Параллелограммы г-на Оуэна“, кажется, были единственной формой общества, которую он знал кроме буржуазной»⁷², — замечает Маркс о Рикардо в работе «К критике политической экономии» (1859 г.), повторяя это в «Капитале»⁷³. Оуэн и оуэнисты были обязаны Рикардо трудовой теорией стоимости, которую они поворачивали против капитализма. Но и оуэнизм становился фактором, ускоряющим разложение рикардианской школы. То, что крупнейший буржуазный ученый в размышлениях об исторических судьбах производства вынужден был принимать в расчет оуэновские «параллелограммы» так, как если бы они существовали, т. е. как возможную модель иного, пекапиталистического общественного строя, и признавал достоинства этой модели, пусть

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 512 (прим.).

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 270.

⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 104 (прим.).

⁶⁹ См. там же, стр. 494—495.

⁷⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 112.

⁷¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 308 (прим.).

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 47.

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 86 (прим.).

лишь как чисто гипотетической, констатировал ее превосходство над наличным общественным строем, свидетельствовало, что Оуэн даже своей коммунистической утопией, своей фантастикой преобразовывал историческое видение, создавал для него новые масштабы: возможность сравнивать настоящее не только с прошлым, но и с будущим. В такой творческой преобразовательной функции видел Маркс превосходство утопии Оуэна над другими разновидностями утопизма, например мелкобуржуазного утопизма Прудона, который бесплоден, «тогда как в утопиях таких людей, как Фурье, Оуэн и др., есть предвосхищение и фантастическое изображение нового мира»⁷⁴.

С конца 70-х годов XIX в. в связи с появлением признаков вульгаризации марксизма и воспроизводства донаучного социализма в немецком рабочем движении (Дюринг, Хехберг) Маркс и Энгельс снова акцентируют внимание на мировоззренческой стороне утопического социализма. Они решительно отвергают попытки стереть грань между утопическим коммунизмом и научным, подменить науку утопией или приписать утопии качества науки; уделяют большое внимание выявлению тех сторон мышления и общественного сознания, которые качественно отличают утопию от науки. «В течение десятилетий мы с большим трудом,— писал Маркс Зорге 19 октября 1877 г.,— старались очистить головы немецких рабочих от *утопического* социализма, от фантастического представления о будущем общественном строе, что и давало им теоретический (а потому и практический) перевес над французами и англичанами. Но вот утопический социализм снова распространяется и притом в форме, гораздо более жалкой по сравнению не только с великими французскими и английскими утопистами, но и с... Вейтлингом. Само собой разумеется, что утопизм, который *до* появления материалистически-критического социализма носил в себе этот последний *in pace*, теперь, выступая на сцену *post festum*, может быть только нелепым,— нелепым, пошлым и в самой основе своей реакционным»⁷⁵.

Огромная работа, связанная с преодолением этого рецидива утопизма (к нему восходит в мировоззренческом и идейном планах и зарождавшийся тогда ревизионизм), выпала на долю Энгельса: «Анти-Дюринг» (1876—1878 гг.); «Развитие социализма от утопии к науке» (1880 г.); «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886 г.); «Юридический социализм» (1886 г.)— во всех этих работах, за исключением «Людвига Фейербаха», Оуэн снова занимает важное место (а его произведения становятся предметом настойчивых розысков)⁷⁶.

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 444.

⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 235.

⁷⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 57; т. 33, стр. 475; т. 36, стр. 390.

«Теоретическое мышление каждой эпохи,— пишет Энгельс,— ...это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание»⁷⁷. Утопический социализм Энгельс и рассматривает как одну из таких разновидностей теоретического мышления. Качественная особенность утопического социализма в том, что он еще не является зрелой формой теоретической мысли, а выполняет теоретическую функцию преимущественно неадекватными средствами, прибегая главным образом к эмоциональной форме абстракции. В работе «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельс прямо указывает на «способ понимания, свойственный утопистам», который «господствовал над социалистическими воззрениями» донаучного периода. Социализм для всех, кто придерживается такого способа понимания, «есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорил весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта. При этом абсолютная истина, разум и справедливость опять-таки различны у каждого основателя школы; особый вид абсолютной истины, разума и справедливости у каждого основателя школы обусловлен опять-таки его субъективным рассудком, жизненными условиями, объемом познаний и степенью развития мышления»⁷⁸.

Здесь уместно отметить, что отправляясь от этих мыслей Ф. Энгельса и на основе исследования творчества Оуэна и других утопистов⁷⁹ мы пришли к выводу, что воспринятый из религиозной культуры и «секуляризованный» механизм абсолютизации, формирующий своеобразную контрдоминанту, в «субъективном рассудке» классиков утопического социализма обладал не идейной, а психологической функцией, играл своего рода вспомогательную роль в гносеологическом механизме утопистов. На определенном этапе творческого поиска он становился одним из важных субъективных факторов, придававших ощущение огромности выполняемой миссии, и этим способствовал «раскрепощению» мышления от религиозных догм и общепринятых положений господствующих учений. Но зато на другом этапе этот механизм абсолютизации выступал как закрепощающий фактор. Именно он мешал отдельным положениям, мыслям, образам, от-

⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 366.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 201.

⁷⁹ См. И. Н. Неманов. Социальный утопизм и его отношение к истории домарксистской философии.— «Проблемы методологии историко-философского исследования», вып. 2, 1972, стр. 37—126; *его же*. Будущее науки в утопиях Роберта Оуэна.— «Будущее науки». М., 1970, стр. 380—395; *его же*. К вопросу о характере Нью-Ленаркского эксперимента Роберта Оуэна.— «Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран». Смоленск, 1972, стр. 160—207.

ражающим объективные закономерности, развиться до уровня научной теории, придавая какой-то одной мысли, какому-то одному положению самодовлеющее значение, что вело к «системосозидательству». Но не этот механизм абсолютизации и не создаваемые им «системы» определяют объективное историческое значение творчества утопистов, а его идейное содержание, формирующееся на основе наблюдений объективной реальности с точки зрения классовых симпатий, интересов, осознанных или неосознанных, т. е. степень выражения в утопическом творчестве тех или иных потребностей эпохи. Вот почему Энгельс писал, что нельзя судить о творчестве утопистов по их «системам». Но в то же время в сознании самих утопистов эти системы могли приобретать решающее значение, вытесняя исторически ценное и значимое, чего тоже нельзя упускать из виду. Утопический социализм и научный исторически соотносятся, как алхимия и научная химия, не раз прибегал к такому сравнению Энгельс. Подобно алхимикам, утописты искали философский камень — науку наук. Но, сами того не ведая или отдавая себе в этом неясный отчет, обретали нечто иное, обладающее реальной ценностью, что становилось совершенно очевидным лишь с появлением науки.

«История так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества; совершенное общество, совершенное «государство», это — вещи, которые могут существовать только в фантазии»⁸⁰, — выступал Энгельс против утопически-прорицательского абсолютизма. Но Энгельс решительно отстаивал действительные достижения, гениальные прозрения утопистов, полные глубокого исторического смысла. Высмеивая Дюринга, Энгельс показал, что в его сознании остался лишь механизм абсолютизации, уже лишенный своего исторического и теоретического оправдания. Поэтому плодом усилий Дюринга стал лишь иллюзорный философский камень, в то время как Оуэн и другие великие утописты, на которых Дюринг нападал за системотворчество, создали непреходящие ценности. В этой связи Энгельс снова указывает на объективно коммунистическое содержание взглядов и социального творчества Оуэна, в частности его эксперимента в «Гармонии Холл»⁸¹.

Последние высказывания Энгельса об Оуэне относятся к 1894 г.; в одном из них он опирается на оуэновский эксперимент в Нью-Ленарке для констатации утопического аспекта деятельности народников в России⁸².

Таким образом, у Маркса и Энгельса мы находим органическое единство анализа и синтеза, такое видение Оуэна, такое его понимание, которое все ставит на свое место, ибо вскрывает диа-

лектику соотношения всемирно-исторического и конкретно-исторического: социалистической и коммунистической мысли и ее конкретного утопического воплощения как исторически неизбежного для определенной стадии развития общества, когда коммунизм не мог быть иным, кроме как утопическим, и теряющего свое оправдание, когда коммунизм обретает адекватную научную теоретическую основу. Здесь мы находим указание на такие стороны утопии, которые не могли быть заменены ничем другим, — на могучую творческую функцию фантастики, открывавшую возможность прорыва сквозь всю толщу господствующих представлений, возможность провидеть будущее постольку, поскольку фантастика выражала еще неясно осознаваемые глубинные, коренные чаяния, интересы масс, историческую потребность преобразования общества в интересах этих масс и, отражая народный инстинкт и возвышаясь над ним, предвосхищала науку. Помещая Оуэна в ряду величайших умов в истории человечества, подчеркивая творческую мощь его интеллекта, Маркс и Энгельс в то же время далеки от упрощения личности Оуэна и видят историческую ограниченность средств, которыми оперирует его мышление. Они видят и силу и слабость этих средств во взаимодействии и взаимной обратимости. Исторически обусловленный способ получения нового общественного знания — вот по сути дела как воспринимали Маркс и Энгельс утопический социализм. А в таком восприятии осмысление гносеологического механизма утопического мышления (сам термин не содержит в себе оценки) становится важнейшим условием его научного объяснения и преодоления. «Подобные конструкции, — писали Маркс и Энгельс об утопизме, — так же как и гегелевский метод, можно критиковать лишь показывая, как они строятся, и тем самым доказывая, что ты господствуешь над ними»⁸³.

Вопрос об оценке В. И. Лениным мировоззрения и деятельности Роберта Оуэна еще требует особой разработки. Но уже сейчас можно отметить: Оуэн находился в фокусе некоторых кардинальных ленинских идей о домарксовской общественной мысли, об утопическом социализме и коммунизме⁸⁴. Среди этих идей ленинский критерий качественного различия утопического социализма (коммунизма) и других утопий. На нем мы и сосредоточимся.

В работе «К характеристике экономического романтизма» (1897) В. И. Ленин показывает несостоятельность попыток искать критерий различия между Сисмонди, с одной стороны, Оуэном, Фурье, Томпсоном, Мюироном, с другой, «лишь в степени решительности предлагавшихся реформ»⁸⁵. Это, само по себе, от-

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 275.

⁸¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 276.

⁸² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 445.

⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 515.

⁸⁴ Н. Е. Застенкер. Ленин о домарксовом утопическом социализме. — В кн.: «История социалистических учений». М., 1964.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 239.

мечает В. И. Ленин, не лишено значения, но «не в этом дело». Различие «лежит гораздо глубже»⁸⁶. Это различие нельзя механически обнаружить и на гносеологическом уровне. И Сисмонди, и Оуэн, Фурье, Томпсон, Мюирон — утописты. «Сисмонди доказывал «вечные нужды общества», и эти писатели доказывали тоже вечные нужды общества. Сисмонди был утопистом, основывал свои пожелания на абстрактной идее, а не на реальных интересах, — и эти писатели были утопистами, основывали свои планы тоже на абстрактной идее»⁸⁷. Действительное качественное различие между ними — в пределах социальной утопии — «в том, что *самый характер* реформ представлялся им с двух диаметрально противоположных точек зрения»⁸⁸. «Указанные писатели предвосхищали будущее, гениально угадывали тенденции той «ломки», которую проделывала на их глазах прежняя машинная индустрия. Они смотрели в ту же сторону, куда шло и действительное развитие; они действительно опережали это развитие. Сисмонди же поворачивался к этому развитию *задом*; его утопия не предвосхищала будущее, а реставрировала прошлое; он смотрел не вперед, а назад, мечтая «прекратить ломку», — ту самую «ломку», из которой выводили свои утопии указанные писатели. Вот почему утопия Сисмонди признается — и совершенно справедливо — реакционной. Основание такой характеристики заключается, повторяем еще раз, *только в том*, что Сисмонди не понимал прогрессивного значения той «ломки» старых, полусредневековых, патриархальных общественных отношений западноевропейских государств, которую с конца прошлого века начала проделывать крупная машинная индустрия»⁸⁹.

Куда смотрит утопист? Как по отношению к историческому процессу ориентирован его субъективный мир: на прошлое, настоящее или будущее? Это совпадение или несовпадение субъективных устремлений утописта с объективным ходом истории, обнаруживающееся даже без развернутой интерпретации в собственно экономических, социальных, политических категориях (такая интерпретация как теоретическое целое, в конечном счете, возможна лишь за пределами утопии, лишь на научной основе), — в определенных исторических условиях есть фактор первостепенного значения. Именно в этой ориентации гносеологическое обнаруживает себя как социальное, выявляя тем самым объективную историческую значимость тех или иных утопий и «предопределяя» их исторические судьбы. У Оуэна эта ориентация на действительную тенденцию развития всемирной истории обнаруживала себя особенно четко и подчас не только стихийно, но и с вы-

сокой степенью осознанности⁹⁰. Поэтому он оказывался на «переднем крае» различения, «на линии огня». Чтобы подчеркнуть это, В. И. Ленин приводит известную оценку Оуэна К. Марксом в «Капитале»: Роберт Оуэн «...не только фактически исходил в своих опытах из фабричной системы, но и теоретически объявлял ее исходным пунктом „социального переворота“»⁹¹.

Разглядев материально-технические предпосылки нового общественного строя, Оуэн оказался, однако, не в состоянии подняться до понимания всемирно-исторической роли классовой борьбы пролетариата. «В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? — спрашивает В. И. Ленин. — В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплуататоров»⁹².

Важным подспорьем могут служить интересные наблюдения Г. В. Плеханова, который разрабатывал гносеологическую проблематику утопического социализма преимущественно на творчестве Оуэна (в 24 томах «Собрания сочинений» Г. В. Плеханов обращается к Оуэну свыше полусотни раз в 18 работах, а в Доме Плеханова в Ленинграде хранятся материалы, свидетельствующие о тщательном изучении Плехановым произведений Оуэна и мировой литературы о нем).

Советской исторической наукой уже внесен существенный вклад в создание подлинно научного оуэноведения. Общеизвестны достижения академика В. П. Волгина и его школы⁹³. Однако, если не считать предпринятой еще в 30-х годах А. И. Аннштейном попытки выработать на ограниченном количестве источников некое цельное представление обо всех аспектах творчества Оуэна, проблема «синтеза» в нашем оуэноведении остается нерешенной. Исследование пошло по пути изучения частных проблем: Оуэн и Рикардо (Д. Б. Рязанов); Оуэн и чартисты

⁹⁰ См., например, размышления Оуэна о судьбах машинного производства: *Р. Оуэн. Избранные сочинения*, т. I. М., 1950, стр. 76—77. Несомненный интерес в этой связи представляет также ход рассуждений Бабёфа о желательности «системы коллективных ферм». См. *В. М. Даллин. Графх Бабёф накануне и во время Великой французской революции (1785—1794)*. М., 1963, стр. 98—100.

⁹¹ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 2, стр. 240 (прим.).

⁹² *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 45, стр. 375.

⁹³ *В. П. Волгин. История социалистических идей*, ч. 2, вып. I. М.—Л., 1931; *его же. Очерки по истории социализма*. М.—Л., 1935; *его же. Оуэн, Роберт*.— БСЭ. М., 1939, т. 43; *его же. Роберт Оуэн*.— В кн.: *Роберт Оуэн. Избранные сочинения*, т. I. М., 1950; см. также: *В. А. Дунаевский, Б. Ф. Поршнев. Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917—1963)*.— В кн.: «История социалистических учений». М., 1964; *В. А. Дунаевский. Советская историография новой истории стран Запада 1917—1941*. М., 1974, стр. 216—218; *С. В. Кан. История социалистических идей*. М., 1967.

⁸⁶ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 2, стр. 239.

⁸⁷ Там же, стр. 240.

⁸⁸ Там же, стр. 239—240.

⁸⁹ Там же, стр. 240.

(А. М. Деборин, Б. А. Рожков, А. Д. Колпаков); Оуэн и Руссо (Б. С. Алексеев-Попов); Оуэн и радикальная мысль в Англии (Е. Б. Черняк); генезис и эволюция взглядов Оуэна (И. Н. Немапов); Оуэн и оуэнисты в США (М. Н. Захарова); роль Оуэна в распространении социалистических идей (Т. М. Торицын); философское наследие Оуэна (А. Макаровский, С. А. Саркисян); Оуэн и русская общественная мысль (А. И. Володин); педагогическое учение Оуэна (Н. А. Тумим-Альмеддинген, А. М. Тагнев, О. Н. Зикеева и др.); экономические воззрения Оуэна (В. А. Вознесенская, И. Д. Удальцов и Ф. И. Полянский и др.) и т. д.

Многосторонний вклад Оуэна в развитие общественной мысли, в мировую культуру, освободительное движение получили отражение также в больших комплексных трудах, лекционных курсах, монографиях по общим проблемам истории Англии, истории общественной мысли, социалистических учений, рабочего и освободительного движения, в учебниках, учебных пособиях, энциклопедических изданиях. Прделана определенная источниковедческая работа. Развивается и марксистское оуэноведение за рубежом (А. Л. Мортон, О. С. Джонсон). Таким образом, исследование ведется широким фронтом одновременно во многих направлениях. При этом всех исследователей-марксистов объединяет методологическая позиция, обеспечивающая как общую перспективу, так и органическое единство восприятия и осмысления места и роли Роберта Оуэна и в конкретно-историческом и во всемирно-историческом аспектах. Эти общность и единство придают и особую плодотворность творческим поискам и достижениям. Они обеспечивают необходимые предпосылки для того, чтобы противопоставить буржуазному оуэноведению основанный на марксистско-ленинской методологии обобщающий труд, потребность в котором с новой силой выявило обострение идейной борьбы вокруг Оуэна в связи с его двухсотлетним юбилеем⁹⁴.

⁹⁴ См. Н. А. Ерофеев. Двухсотлетний юбилей Роберта Оуэна.— «Новая и новейшая история», 1972, № 3; Я. А. Кистанов. Роберт Оуэн и кооперация.— «Советская потребительская кооперация», 1971, № 5; А. Л. Мортон. Роберт Оуэн (К 200-летию со дня рождения).— «Проблемы мира и социализма», 1971, № 7; И. Неманов. Утопии Роберта Оуэна. 200 лет со дня рождения.— «Наука и религия», 1971, № 6; Р. Блум, Л. Вальг. Предшественник научного коммунизма (К 200-летию со дня рождения Р. Оуэна).— «Коммунист Эстонии», 1971, № 4; Достаточно полное представление о полемике, развернувшейся вокруг Оуэна в Англии, дают работы: М. Cole, J. Butt, W. P. Watkins, J. Harrison. Robert Owen: Industrialist, Reformer, Visionary 1771—1858. London, 1971; Robert Owen, a Prince of Cotton Spinners. A Symposium ed. by John Butt, Newton Abbot, 1971; «The Life of Robert Owen Written by himself» with an introduction by J. Butt. London, 1971; J. Dunman. The Relevance of Robert Owen.— «Morning Star», 12.V.1971; A. L. Morton. Robert Owen's Story.— «Morning Star», 10.VI.1971; см. также «Morning Star», 10.XI.1970, 5.XI.1971. Обращает на себя внимание оживление интереса к вопросу о роли Оуэна в рабочем движении. См. W. Hamish Fraser. Robert Owen and the Workers.— In: «Robert Owen, a Prince of Cotton Spinners...»,

В статье, посвященной этой дате, Б. Ф. Поршнев писал: «Глубочайшие изменения произошли в мире с той поры, когда жил Оуэн. Многие его идеи не выдержали проверку временем, оказались фантастичными. Но оуэновские мысли об изувеченности человека, брошенного капиталистической действительностью в ее магнитное поле, о гнетущей человека несвободе бытия его и сознания в условиях буржуазного строя не потеряли значения и в наши дни. Веривший в свою высшую миссию, кипевший могучей энергией, Роберт Оуэн был предвестником научных коммунистических идей, которые сегодня победоносно шествуют по всей планете»⁹⁵.

р. 76—98; J. Gans. Robert Owen et la classe ouvrière.— «Le Mouvement Social», Juillet — Septembre 1972, N 80, p. 59—81.

⁹⁵ Б. Поршнев. На путях от утопии к науке. К 200-летию со дня рождения Роберта Оуэна.— «Правда», 12.V 1971.

Раздел библиотеки

История идей: "от утопии к науке"

<http://istmat.info/node/29200>